

О. И. Лисицына

СЕКС, ЛЮБОВЬ И БРАК В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российское дворянство, любовная культура, сексуальное поведение, матримониальное поведение, история сексуальности, речевые практики, дискурс-анализ, любовь, брак

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена опыту изучения любовной культуры, матримониального и сексуального поведения российского дворянства первой половины XIX в. Для российской дворянской культуры было характерно табуирование сексуальности — по меньшей мере, на уровне речевых практик. Однако строгость подобных запретов была неодинаковой для мужчин и для женщин. Сопоставление мужских и женских текстов, созданных в рамках данной культуры, позволяет вскрыть принципы конструирования нормативной системы межполовых отношений, а также изучить конкретные практики взаимоотношения мужчин и женщин как результат категоризации таких понятий как «любовь», «брак», «страсть» и др. в контексте российской дворянской культуры

Традиционно в исторической науке социальные и культурные процессы рассматривались без учёта фактора пола и, тем более, — сексуальности. Между тем, постструктуралистский, постмодернистский¹, феминистский² и постфеминист-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект МД-3743.2018.6.

1 Фуко. 1996; Бодрийяр. 2000 и др.

2 Бовуар. 1997; Рубин. 2000. С. 89–140 и др.

ский³ научный дискурс актуализировал изучение обыденного жизненного опыта и истории смены структур повседневности индивида. Сексуальность предстала в этой обновленной междисциплинарной научной отрасли неотъемлемым компонентом повседневности, а веками существовавшие представления о «женском» как о вторичном, производном, менее значимом и определяющим, чем «мужское», благодаря гендерным исследованиям⁴ начали существенно трансформироваться.

Безусловно, сексуальность и соответствующий дискурс не только представляют значимую часть эмоционального мира человека, его частной жизни, его культуры, но и формируют социокультурный контекст той или иной исторической эпохи. Кроме того, изучая модели сексуальности, присущие какому-либо обществу и узнавая о принятой в нём системе запретов, принципах их конструирования и действия, мы получаем возможность глубже понять аналогичные механизмы в современном мире. В связи с этим, представляется значимым обратиться к изучению сексуального и неразрывно с ним связанного в конце XVIII — первой половине XIX в. матримониального поведения российских дворян и дворянок, ведь без этого наши представления о жизни российского нобилитета не будут полными, а историческая картина — целостной.

Российская дворянская культура конца XVIII — середины XIX в. создала большое количество различного рода текстов, позволяющих нам сформировать достаточно полное представление о характерном для неё дискурсе сексуальности. Безусловно, в ходе формирования дискурса сексуально-

---

3 Иригарэ. 2001. С. 124–132 и др.

4 Пушкарева. 1999: 14–28; Репина. 1996: 20–32 и др.

сти происходит определённая догматизация сексуальной сферы человеческого бытия, и представления о ней приобретают нормативный характер, однако изучить историю сексуальности мы можем, по преимуществу, именно посредством него. Причем очевидно, что дискурс представляет собой не только некую базу для формирования моделей сексуального поведения, но и обуславливает их последующее отражение в тексте, следовательно, в одно и то же время и порождает нормы и практики сексуального поведения, и сам же является их результатом.

По мнению М. Фуко, в ходе исторического развития осуществляемый в обществе контроль за сексуальной сферой приобретает всё более и более изощрённые формы — вплоть до современности; он называл данные механизмы «полиморфными техниками власти» и считал изучение принципов их действия приоритетной исследовательской задачей, ведь зачастую они тщательно завуалированы и могут быть представлены не только «отказом, заграждением, дисквалификацией», но и, наоборот, «побуждением, интенсификацией» сексуального поведения⁵. Однако подобный дискурсивный контроль, по его мнению, стал возможен лишь тогда, когда «надзор» за населением перешёл на качественно новый уровень и стал «внутренним», то есть начал осуществляться через самоконтроль индивида на основании общепринятых морально-этических норм. Начало этих процессов в европейской культуре он датирует XVII в., когда происходит «открытие сексуальности», то есть она впервые осознаётся как дискурс; окончательно же она становится фактом сознания лишь к концу XVIII в.

---

5 Фуко. 1996: 109–111.

Для нашей страны хронологические рамки данных процессов отчасти смещены и связаны с приобщением к западным культурным ценностям в первой четверти XVIII в.⁶ и с последующим постоянным заимствованием образа мыслей и жизненных практик из Европы, где продолжает крепнуть и усиливаться влияние «буржуазной» этики и морали. Данное исследование берёт в качестве нижней хронологической границы последнее десятилетие XVIII в., ведь именно к этому времени во Франции, ставшей уже безусловным лидером экспорта моды и нравов в Российскую империю, вместе с революцией происходит крах аристократической (характеризующейся известной степенью сексуальной свободы) модели поведения и утверждается иная — буржуазная, которую впоследствии М. Фуко обобщённо называл «викторианской».

В то же время, несмотря на то, что опыт «буржуазного» Запада оказывал безусловное влияние на формирование сексуальной культуры и норм сексуального поведения российского нобилитета XIX в., следует отметить факт существования в допетровской Руси практики социальной изоляции женщин благородного происхождения⁷ — «теремного затворничества»⁸, имевший место задолго до обращения к морально-нравственным предписаниям западноевропейских обществ. По мнению Н.Л. Пушкарёвой, это было связано с влиянием «православного гендерного порядка»⁹, которое заметно усилилось в XV в. и привело к ужесточению половой морали и, в целом, патриарха даже раньше, нежели это произошло в Европе.

---

6 Кон. 1995: 46.

7 Колман. 1999: 205–216.

8 Пушкарева. 2008: 6.

9 Пушкарева. 2008: 4–5.

Однако, как известно, в самой Российской империи даже и в середине XIX в. полного перехода к капиталистическому укладу не происходит, хотя наметившаяся в 1810–е гг. тенденция к промышленному перевороту повлекла за собой существенные подвижки в развитии как общественной мысли, так и индивидуального самосознания, что выразилось, в частности, в появлении неординарных женских личностей, стремительном усилении рефлексии и развитии самостоятельного «женского письма», а также в дальнейшем включении женщин в публичную сферу жизни общества — в первую очередь, посредством салонной культуры.

В связи с этим рассматриваемый период следует охарактеризовать как переходный. Еще продолжают господствовать традиционные патриархальные ценности, в рамках которых сексуальность индивида служит «задаче укрепления его семейных, родственных и иных социальных связей»¹⁰. При этом, однако, в ходе тесных культурных контактов образованного российского общества с Западной Европой, постепенно воспринимаются и буржуазные, носившие двойственный характер. С одной стороны, имеет место «переоценка ценностей в пользу частной сферы»¹¹, «плюрализация и индивидуализация» жизненных стилей¹², моделей поведения и проявлений чувственности, стремление к самостоятельному выбору брачного партнёра, а с другой — усугубление гендерного неравенства в области сексуальности. М.Г. Муравьёва, аккумулировав представления ведущих исследователей на этот счёт, выделяет две модели сексуально-

---

10 Кон. 1995: 45.

11 Пушкарева. 2008: 9.

12 Кон. 1995: 46.

го поведения — «единую» и «двойственную»¹³. «Единая модель», подразумевающая известное равенство норм мужского и женского сексуального поведения, по её мнению, господствовала в Европе вплоть до начала XVIII в.¹⁴ С этого времени (а зачастую и по сей день¹⁵) распространена «двойственная» модель, предполагающая совершенно различное сексуальное поведение женщины и мужчины:

мужчины находятся в рамках идеологии либертинизма, они имеют полную сексуальную свободу, они обязаны иметь гипертрофированную сексуальность и пользоваться ею. Женщинам здесь отводится роль контролера морального климата общества, причём женщина должна контролировать не только своё желание, но и желание мужчины недопуская его до своего тела¹⁶.

Так или иначе, в результате завершившийся к концу XVIII в. трансформации поведенческой структуры русского общества, социальное поведение, которое и ранее было тесно связано с нравственными установками, теперь всё чаще стало считаться внешним проявлением внутреннего содержания личности¹⁷. Безусловно, подобная тенденция затрагивала не только дворянство, но всё же в аристократической среде строгость табу была особенно явной, и наличие двойственности морально-этических норм наиболее очевидно. Изучение женских и мужских текстов, принадлежащих дворянской культуре, и их соотнесение явно демонстрируют гендерную специфику письма. С особой остротой она прояв-

---

13 Муравьева. 2002: 106.

14 Муравьева. 2002: 106.

15 Гидденс. 2004: 38–39.

16 Муравьева. 2002: 106.

17 Грасиан-и-Моралес. 1742; Нобль. 1761; Добрыя мысли. 1789; Монкриф. 1788.

ляется, когда речь идёт о вопросах полового поведения и сексуальности.

В «Порядке дискурса» М. Фуко говорил о некоей «исключительности» субъекта дискурса или о «прореживании говорящих субъектов»¹⁸. По его мнению, индивиду, чтобы совершить речевой акт, необходимо удовлетворять определенным требованиям, ведь «не все области дискурса одинаково открыты и проницаемы; некоторые из них являются в высшей степени запретными... в то время как другие кажутся... предоставленными, без какого бы то ни было предварительного ограничения, в распоряжение любого говорящего субъекта»¹⁹. Цель подобного контроля — «нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности»²⁰. Для этого, по его словам, в современных обществах используются различные «процедуры исключения», из которых наиболее очевидная — запрет; наиболее же «уплотнена» данная система запретов по сегодняшний день лишь в двух областях — сексуальности и политики²¹, что демонстрирует значимость каждой из них при установлении взаимоотношений власти и подчинения.

В мужских текстах — как литературных, так и личного происхождения — с конца XVIII в. широко распространяется тенденция к выражению своих чувств, появляются и культивируются такие понятия, как «влюблённость», равно как и развивается соответствующий дискурс²². С этих пор выражение разнообразных «чувствований» для дворянина становится нормой, всё более значительное место начинает уде-

---

18 Фуко. 1996: 69.

19 Фуко. 1996: 69–70.

20 Фуко. 1996: 70.

21 Фуко. 1996: 52.

22 Болотов. 1986; Державин. 2000; Загряжский. 1993.

ляться описаниям любовных переживаний, и, в связи с этим, их «предмету» — женщине.

Однако, женские тексты и в этот период, и позднее продолжают создаваться значительно менее «чувствительными», демонстрируя «величайшую сдержанность в изображении любовных отношений»²³. В них подобных описаний практически нет, а повествования о чувствах и, в особенности, о любви носят гораздо более формализованный характер. Как отмечает А.В. Белова, «в письмах провинциальных дворянок... любовный и эротизированный дискурсы практически отсутствуют»²⁴. Это утверждение, по-видимому, справедливо для всей женской автодокументальной традиции, причём не только провинциальной, но и столичной²⁵. Более того, даже когда контекст предполагает наличие имеющего отношение к сексуальности дискурса, он, тем не менее, отсутствует или тщательно завуалирован²⁶. Как видим, на уровне изложения (но не переживания) любовных чувств женщины-дворянки демонстрируют значительно большую приверженность традиционным семейно-брачным ценностям в то время, как стремление к индивидуализации любовных переживаний остаётся в большинстве случаев прерогативой мужчин.

23 Пушкарева. 2008: 9.

24 Белова. 2013: 69.

25 ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1258; РГАЛИ. Ф. 1. Д. 29, 45, 83; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 134 и др.

26 Так, об истинном смысловом наполнении письма М.А. Анненковой брату можно догадаться исключительно по карандашной пометке на конверте, сделанной, очевидно, значительно позднее сыном адресата: «Письмо Марьи Алек. Батюшке — прос[ит] его о [приезде] ея любовника» (Курсив здесь и далее мой — О.Л.) (РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 282. Л. 2 об. Орфография и пунктуация источника сохранены).

Следующий пласт интересующего нас дискурса, выявленный в мужских автодокументальных текстах, уже представляет собой более непосредственный и явный комплекс речевых практик о сексе, однако встречается он значительно реже. Одними из самых ярких примеров таких текстов могут служить «Записки» М.П. Загряжского и «Дневники» А.Н. Вульфа, в которых тема сексуального поведения не только непосредственно представлена, но и занимает значительное место в повествовании:

Однажды она сидела у меня на коленях, держась левой рукой за шею... Я правой держал её за талию, а левой своевольничал далее и далее. Оба не знали, что делали. Один поцелуй произвел необыкновенное восхищение, какого в мою жизнь еще не бывало. Чувства нежной страсти разлились с головы до пят²⁷.

Софья становится нежнее со мною, я от этого в замешательстве: мне не хотелось бы на его (мужа Софьи, барона А.А. Дельвига — О.Л.) счёт гулять, а другого средства нет, чтобы избежать опасности, как не ходить ни к нему, ни к Анне Петровне (Керн, с которой А.Н. Вульф также состоял в любовных отношениях — О.Л.), что мне весьма тяжело <...> Софья была ещё нежнее: что будет — будет²⁸.

Как видим, в текстах мужчин не только они сами, но и дворянские женщины предстают значительно более сексуально раскрепощёнными, чем в своих собственных.

Действительно, сами дворянки по возможности вовсе избегают касаться вопросов столь «непристойного» характера, а если и затрагивают данный аспект в своих текстах, то демонстрируют самоограничение и отрицание собственной телесности и потребности в сексуальной жизни: «я не знаю скотской любви, и Боже меня спаси знать её, а я хочу любить

27 **Загряжский.** 1993: 149. У Михаила Загряжского речь идет о первых годах XIX в.

28 **Вульф.** 2016: 34. Алексей Вульф пишет в конце 1820-х гг.

чистой и непостыдной любовью»²⁹, либо собственную сексуальную непросвещённость:

ему казалось весьма естественным, чтобы 18 летняя девушка, *не имеющая понятия о любви*, отдалась человеку, который пользуется ею расположением³⁰.

Важно отметить, что и демонстрируемое отсутствие чувственности, и сексуальная непросвещённость самими дворянками — даже много лет спустя — осмысляются чаще всего³¹ в позитивном русле, очевидно, что ими подобная модель поведения воспринимается не только как предпочтительная, но как единственно возможная.

Разумеется, столь ощутимая разница ценностных ориентаций так или иначе влечёт за собой некоторое непонимание между мужчиной и женщиной, вступающих в межличностные отношения, что особенно ярко проявляется в ходе сватовства и в первое время супружеской жизни. Так А.Т. Болотов сетовал на свою невесту:

...не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жёны оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сего удовольствия не имел я в жизни!; ни малейшей — таки ласки и ни малейшего приветствия не хотела она мне оказать, и сколько я к ней ни ласкался, она и глядеть почти на меня не хотела.³²

---

29 Лабзина. 1903: 70

30 Ржевская. 2008: 46.

31 Видимое исключение составляет Е.Н. Водовозова, чьи мемуары содержат ярко выраженную негативную коннотацию своей и чужой сексуальной непросвещённости, но это, очевидно, объясняется тем, что они представляют собой один из наиболее поздних, привлечённых для данного исследования текстов и описывают события, относящиеся, в том числе, и к пореформенному периоду.

32 Болотов. 1986: 504.

А вот как пишет о своём женихе его современница А.Е. Лабзина:

я, увидя его, очень оробела, и так, что ноги подо мной дрожали. И я очень была довольна, что мне позволено было идти к себе в комнату; ...ласки моего назначенного мужа стали ко мне открытее. Но они меня не веселили, и я очень холодно их принимала... и сердце моё не чувствовало ни привязанности, ни отвращения, а больше страх в нём действовал³³.

Следует предположить, что причина столь различного описания любовного и сексуального поведения не сводится исключительно к специфике мужского и женского письма, а кроется в различном восприятии чувственной составляющей человеческого бытия, вытекающем из двойственности принципов сексуального воспитания, основанных на соответствующих представлениях о «нормативной» женственности и мужественности, сосуществования женской и мужской систем морально-этических норм.

Ещё более яркий пример, демонстрирующий подобную двойственность, — наличие в дворянской литературе такой категории, которую, используя формулировку издателя русских «непечатных» поэтических произведений в Женеве в 1879 г., можно обозначить как литература «не для дам» (или, как категоризировал некоторые свои произведения А.С. Пушкин — «не для печати»). Такое название может прекрасно охарактеризовать целое явление Пушкинской поры, да и всего интересующего нас периода, ведь произведения фривольного, «озорного» (и по большей части — эротического) содержания писал не только А.С. Пушкин³⁴, но и

---

33 Лабзина. 1903: 31.

34 «Не думав милого обидеть, // Взяла Лаиса микроскоп // И говорит: “Позволь увидеть, // Чем ты меня, мой милый, ё...”» (Пушкин. 2017: 33).

М.Ю. Лермонтов³⁵, а кроме признанных классиков русской литературы ещё и малоизвестные в нашей стране до недавних пор «непечатные классики» — И.С. Барков, А. Полежаев и многие другие. Данный пласт литературы свидетельствует о существовании достаточно хорошо развитого дискурса сексуальности, создаваемого, однако, исключительно мужчинами и существующего в сугубо мужской среде, ведь не вызывает сомнений, что женщины не только не писали ничего подобного, но и не читали такого рода сочинения³⁶. Очевидно, ключевыми факторами, влиявшими на формирование у мужчин такого пласта дискурсивных практик о сексе, была возможность свободного общения с представителями крестьянства (как с мужчинами, так и с женщинами, причём последние часто становятся для них и первыми сексуальными партнёрами³⁷), отличающимся достаточно непосредственным восприятием сексуальной стороны жизни, а также обсуждения сексуальных тем со сверстниками, что и нашло своё отражение в многочисленных текстах — как личного происхождения, так и литературных.

Разумеется, подобные произведения не печатались и не предназначались для печати, ведь данный период характеризуется настолько жёсткой официальной цензурой, что купюры накладывались и на гораздо более нейтральные формулировки. Как уже было упомянуто, наиболее плотно си-

35 «Меж тем рука всё далее ползёт, // Вот круглая коленочка... и вот, // Вот — для чего смеётесь вы заране? — // Вот очутилась на двойном кургане» (Лермонтов. 1970: 600).

36 В альбоме А.П. Керн А.С. Пушкин написал характерное четверостишие о И.С. Баркове, демонстрирующее обозначенную исключённость женщины из дискурса сексуальности: «Не смею вам стихи Баркова // Благоприятно перевесть // И даже имени такова // Не смею громко произнести!»

37 Кон. 1995: 49.

стема государственных запретов окутывала две сферы — власти и сексуальности. Что касается первой — об этом уже не раз писалось в историографии, о второй же говорит, в первую очередь, понятие «нецензурный», актуальное до сих пор, кроме того, её достаточно ёмко характеризует в своих «Дневниках» А.Н. Вульф:

Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензи́ровали его «Графа Нулина»: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп³⁸.

Таким образом, как видим, любой сексуализированный дискурс пресекается уже на уровне государственной цензуры.

Однако, на наш взгляд, не менее важно, что в данный период цензура в отношении сексуальности осуществляется не только на государственном, но и на «частном» уровне. Факт наличия своего рода внутрисемейной цензуры подтверждает следующее высказывание того же Пушкина:

как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик³⁹.

Подтверждается это и в IV главе «Евгения Онегина», где Ленский «... читает Оле // нравоучительный роман... // А между тем две, три страницы // (Пустые бредни, небылицы, // Опасные для сердца дев) // Он пропускает покраснев»⁴⁰. Данные примеры демонстрируют табуирование информа-

---

38 Вульф. 2016: 24.

39 Пушкин. 1962: 342.

40 Пушкин. 1960: 84.

ции на сексуальные темы, в первую очередь, именно для «дев», «девушек», то есть незамужних представительниц дворянского сословия.

Существование подобных запретов неоднократно упоминается и самими дворянками в воспоминаниях о своём воспитании — как домашнем, так и институтском⁴¹, на основе чего можно сделать вывод, что они являлись общим местом в системе дворянского женского воспитания. Кроме того представления об «опасности» «неразборчивого чтения» для барышень были аккумулированы писательницей-моралисткой мадам де Жанлис, весьма популярной в России в начале XIX в., в произведении «Гортензия, или Жертва романов и путешествий», что могло также способствовать распространению подобных представлений среди самих юных представительниц дворянского сословия.

Характерно, что и во второй половине XIX в., когда либеральные идеи уже несколько повлияли на отношение к женщине в обществе и «женский вопрос» занимал умы прогрессивной общественной мысли, даже «демократ по своим убеждениям» инспектор Смольного института К.Д. Ушинский демонстрирует схожие представления в отношении юных воспитанниц:

...только никогда не читайте книг, не посоветовавшись раньше со мною, а Павского, пожалуйста, не раскрывайте больше⁴².

С этим коррелирует воспоминание С.А. Толстой, жены и помощницы Л.Н. Толстого, так же относящееся к 60–м гг. XIX в.:

---

41 **Водовозова.** 1911: 371.

42 **Водовозова.** 1911: 383.

Помню, я раз очень огорчилась, что Лев Николаевич написал цинично о каких-то эпизодах разврата красавицы Елены Безуховой. Я умоляла его выкинуть это место; я говорила, что из-за такого ничтожного, малоинтересного и грязного эпизода *молодые девушки будут лишены счастья читать это прелестное произведение*. И Лев Николаевич сначала неприятно на меня огрызнулся, но потом выкинул всё грязное из своего романа...⁴³.

Очевидно, такая гендерная цензура, существенно ослабевала после замужества (что, в частности подтверждает пример упомянутой С.А. Толстой) — не столько в связи со сменой лиц, в зависимости от которых находилась женщина, сколько ввиду значительной перемены в её статусе и приобретения ею непосредственного сексуального опыта. Безусловно, такого рода градация была весьма существенной в жизни дворянки, но всё же не всегда контроль за её «нравственностью» ослабевал в браке, как, например, это было в случае с А.Е. Лабзиной в доме М.М. Хераскова:

*они, видя мою детскую невинность и во всём большое незнание... начали меня удалять <...> в гости никуда не брали, ни в театры, ни на гулянья*⁴⁴.

Очевидно, ввиду крайней сексуальной непросвещённости и раннего вступления в брак 15-летняя замужняя дворянка продолжала восприниматься как «невинная» девушка и подвергалась на этом основании прежней депривации.

Главным запретом в рамках обозначенной цензуры на протяжении всего интересующего нас периода остаётся недозволенность «самостоятельного» чтения девушкой иностранных романов⁴⁵, которые могли бы дать ей доступ хотя

---

43 Толстая. 1998: 67.

44 Лабзина. 1903: 53.

45 «...приучили... утром заниматься хорошей книгой, которые мне давали, а не сама выбирала. К счастью, я ещё не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего... Наконец, спросила у Елизаветы Васильевны, о

бы к малейшей информации на сексуальные темы, являясь для юной барышни фактически единственным источником подобных познаний. Однако, очевидно, что и любая другая литература, содержащая соответствующий дискурс, ей также не дозволяется — в том числе и многие из произведений отечественных сочинителей, в частности, содержащие известную долю эротизма поэтические произведения первой половины XIX в. (Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова, Н.М. Языкова, Д.В. Давыдова и мн. др.) не говоря уже о «непристойных» стихотворениях этих и прочих авторов.

Если б «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, «Недоросль», которым некогда восхищалась Екатерина и весь её блестящий двор, если б «Недоросль» явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою... «Что скажут дамы! — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!»...⁴⁶

Из этих слов А.С. Пушкина, можно сделать вывод о том, что в интересующий нас период происходит лишь ужесточение сексуальной морали через систему представлений о «пристойном» и «позволительном» для дам.

Впрочем, помимо этого, отсутствие доступа дворянки к отечественной литературе могло иметь под собой и другие основания. Так, в первой половине XIX в. «дамским» языком в высшем обществе считался французский⁴⁷ или смесь французского и русского языков, в связи с чем, многие «модницы»

каком она всё говорит Романе, а я его у них никогда не вижу. Тут мне уж было сказано, что не о человеке говорили, а о книгах, которые так называются; “но тебе их читать рано и нехорошо”» **Лабзина**. 1903: 53.

46 **Пушкин**. 1962: 342.

47 «Нужно заметить, что в то время дамы, имевшие претензию на образование, переписывались не иначе, как на французском языке» (**Водовозова**. 1911).

вовсе не читали русскую литературу⁴⁸. Однако, безусловно, не сами барышни определяли и подобную специфику собственного образования:

сами мы никогда не читали ни одного произведения знаменитого русского писателя, а преподаватель знакомил нас с ним лишь в отрывках⁴⁹; я страстно люблю поэзию <...> Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии... у нас была довольно большая библиотека, но она состояла преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова в ней не было. Я никак не могла дожждаться того дня, когда в первый раз досталась мне в руки хрестоматия Филонова... Это было настоящим откровением для меня. В течение нескольких дней спустя я ходила как сумасшедшая, повторяя строфы из «Мцыри» или из «Кавказского пленника», пока гувернантка не пригрозила, что отнимет у меня драгоценную книгу⁵⁰.

Разумеется, такая хрестоматия, «купленная по настояниям... учителя», содержала соответствующую выборку произведений, представляя собой «дозволенное» с точки зрения «прюдкой» гувернантки чтение для девочки.

Но, всё же, судя по всему, даже некоторые из «печатных» и «цензурных» по тем временам произведений российских авторов создаются также «не для дам» — о подобной «исключённости» дворянских девушек и даже многих женщин⁵¹ свидетельствует учреждение лишь в 1859 г. специализированного женского издания — журнала «Рассвет». Разумеется, это вовсе не означает, что ими не читались газеты и литературные журналы — так, Елизавета Быкова в письме своей приятельнице и родственнице Вере Аксаковой сообщала:

---

48 **Лотман.** 2006: 54–55; 76.

49 **Водовозова.** 1911: 348.

50 **Ковалевская.** 1974: 136.

51 Значимое исключение составляли жёны литераторов, так или иначе погружённые в литературную среду, хозяйки модных салонов и те немногие женщины, которые имели возможность следить за литературной жизнью.

добрейшего Сергея Тимофеевича статью я читала в Московских газетах, хоть и не было его фамилии, но я догадалась по первым буквам. [Трошинский] выписывает все журналы и газеты и я с жадностью пересматриваю все дабы найти о брате»⁵².

Конечно, это письмо характеризует ситуацию уже середины XIX в., но даже тогда, по-видимому, подобные практики не были всеобщими.

Очевидно, что зачастую даже обращение поэта к женщине в своих «публичных» и публикуемых сочинениях вовсе не гарантирует, не только того, что произведение предназначено его мнимой адресатке, но и того, что оно предназначается для женского прочтения как такового. Одним из множества примеров может служить стихотворение «Решительный вечер» Д.В. Давыдова, которое по стилистическим особенностям и смысловой нагрузке близко многочисленным «внутримужским» поэтическим «посвящениям». Следует заключить, что мужчина-автор, даже обращаясь в своих произведениях к женщине, по-прежнему ориентируется, в первую очередь, на читателя-мужчину, а, по мнению А.С. Пушкина, женщин и вовсе не интересует поэзия (при том, что собственно женские тексты, как мы увидели, демонстрируют совершенно иную картину⁵³).

На основании нового дискурса о чувствах в российском дворянском обществе формируется соответствующая система представлений и речевых практик, однако, будучи по своему происхождению «мужской» она воспринимает женщину

---

52 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 9.

53 «Он (П.А. Плетнёв — О.Л.) принёс мне несколько отрывков из новой поэмы, которою занят в настоящий момент Пушкин <...> Сохрани их, — это драгоценность, так как это — руки самого Пушкина...» (Письмо С.М. Дельви́г к А.Н. Семеново́й от 13 октября 1824 г. Цит. по: **Модзалевский**. 1999: 233–234); «В несколько дней я так пристрастилась к чтению, что институтский колокол, отрывавший меня от него, сделался моим злейшим врагом» (**Водовозова**. 1911: 388).

лишь как объект, обезличивает женское любовное чувство, подвергая его определённому упорядочиванию дискурсов и отстраняя женщину от наиболее значимых из них. Всё это также сказывается и на произведениях недавно возникшей женской автодокументалистики, увеличивая различия мужского и женского письма.

Но конец XVIII — середину XIX в. характеризует разница не только «женского» и «мужского» дискурсов, но ещё и расслоение внутри сугубо «мужских» дискурсивных практик о сексе, в рамках которых наиболее противопоставлены друг другу два пласта. Чтобы наиболее наглядно продемонстрировать сосуществование двух данных способов выражения сексуальности в тексте, можно привести «хрестоматийный» пример — отношения А.П. Керн и А.С. Пушкина: известно, что именно её в своём знаменитом стихотворении⁵⁴ поэт называет «мимолётным виденьем» и «гением чистой красоты», формируя некий «публичный» дискурс; в то же самое время, в рамках дискурса «приватного», «закрытого», «мужского» (в письмах друзьям-мужчинам — А.Н. Вульф, С.А. Соболевскому) поэт между делом упоминает «*m-me Kern*, которую с помощью божией... на днях [у...б]»⁵⁵, и называет её «Вавилонской блудницей»⁵⁶. Разумеется, данный пример далеко не единственный, но он наиболее ярко свидетельствует о поляризации дискурсов мужской сексуальности, об усилении рассогласованности возвышенного духовного и низменного телесного, характеризующих как мужскую систему речевых практик о сексе, так и в целом — сек-

---

54 Пушкин. 1959: 89.

55 Пушкин. 1962: 273.

56 Пушкин. 1962: 232.

суальность российского дворянства в конце XVIII — первой половине XIX в.

Поскольку установившаяся в рассматриваемый период «модель сексуальной строгости»⁵⁷ блокировала соответствующие речевые практики, в особенности, у девушек и женщин, «дамский» дискурс о сексе замещается иным, также дающим возможность выражать симпатии и влечения дворянки, но выраженным исключительно в категориях романтического любовного чувства. Однако и на этом, куда более «легитимном» дискурсивном уровне, если мужчины активно выражают свои «чувствования», и это становится своего рода модной тенденцией, то женщины демонстрируют в своих текстах сдержанность, скованность и самоограничение. Такая специфика мужского и женского восприятия чувственной сферы искусственно создавалась и поддерживалась с помощью различий — как в возможностях доступа к информации о сексуальности (контроль над которыми осуществлялся, например, через наличие «гендерной цензуры»), так и в морально-нравственных установках мужчины и женщины.

Важно отметить, что и понятие о любовном чувстве у российской дворянки конца XVIII — первой половины XIX в. существенно отличалось от привычного и хорошо знакомого нам по произведениям русской классической литературы взгляда, сконструированного мужчинами-авторами. В женских эгодокументальных текстах любовь, зачастую, выступает не столько как индивидуальное романтическое чувство, сколько как некая вмняемая девушке/женщине обязанность:

...передательницу генеральских желаний я спросила: «А буду я его любить, когда сделаюсь его женою?», и она ответила: «Разумеет-

---

57 Фуко. 1998: 251.

ся...»⁵⁸; этого человека я могла бы сердечно любить, не будь я предупреждена, что девушка должна беречь своё сердце для человека который за неё посватается⁵⁹.

А мать мемуаристки Е.Н. Водовозовой, находит вопрос своих взрослых уже детей о том, была ли она «влюблена» в своего будущего мужа, и вовсе неприличным: «все эти ваши слова о страстной любви, о неземных увлечениях — только одни *пошлости*, и больше ничего...»⁶⁰ (а ведь этот разговор происходит уже в 60–е годы XIX в.).

Центральной категорией, определяющей поведение, «приличествующее молодой девице», в женских автодокументальных текстах на протяжении данного периода остаётся понятие «чистой и законной» любви. «...Избегай всех пороков, береги своё сердце от *непозволенной любви*»⁶¹ — вспоминает заветы своей матери мемуаристка А.Е. Лабзина. Так нормализуется сфера чувств дворянки, в результате чего у неё формируется представление о любви как о некоей регламентируемой и конструируемой деятельности, являющейся её непосредственной обязанностью. Причём обязанность эту она призвана была исполнять исключительно по отношению к «законному» объекту чувств, то есть супругу, которому она «должна беспредельным повиновением и истинною любовью»⁶² — «столь естественными и наглядными последствиями её положения, что она не может... отказаться от своей обязанности, если только не совсем ещё испорчены её естественные склонности»⁶³.

---

58 Керн. 1929: 48.

59 Ржевская. 2008: 57.

60 Водовозова. 1911: 6.

61 Лабзина. 1903: 32.

62 Лабзина. 1903: 35.

63 Руссо.

Следовательно, понятие любви также следует признать историчным, ведь оно наполняется различными смыслами в зависимости от тех или иных социокультурных условий. Так, ситуация, когда браки заключались без взаимной «склонности», очевидно, требовала именно такого отношения к любовному чувству. «Люби мужа твоего чистой и горячей любовью»⁶⁴ — наставляют дворянку, и она следует этому наставлению: «...любила ево очень, хатя никакова знакомства прежде не имела»,⁶⁵ — эти слова первой российской мемуаристки Натальи Долгорукой отражают тенденцию, характерную для многих женских текстов позднейшего периода: они констатируют факт любви к будущему мужу, возникшей едва ли не с первого взгляда.

Особенно наглядно это прослеживается в выявленном в РГАЛИ эпистолярном комплексе, представляющим собой последовательность из 23 писем Елизаветы Быковой (урожд. Гоголь–Яновской) к Вере Аксаковой⁶⁶, отосланных в течение более чем двух лет, на протяжении которых их автор познакомилась со своим будущим мужем, была «просватана», «выдана» замуж и родила первого ребёнка, что и находит последовательное отражение в данном источнике личного происхождения.

Так, в первом письме, где упоминается о будущем супруге, в июне 1851 г. Е.В. Быкова пишет лишь:

я сговорена за штабс-капитана Сапернаго Владимира Ивановича Быкова. Он стоял эту зиму в Кагаринке, и как мне могли заметить чудесный человек таких благородных правил и очень религиозен. Свадьба назначена в сентябре или октябре <...> помолитесь обо мне это такой важный шаг в моей жизни, попросите помо-

---

64 Лабзина. 1903: 32.

65 Долгорукая. 1913: 14.

66 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–42.

литься тоже ваших милых сестриц, теперь особенно нужна для меня их молитва⁶⁷.

Однако в июле тон письма уже иной:

прошлую зиму как вы уже знаете мы провели в Кагаринке у дяди. Через несколько дней после нашего приезда перевели его с ротой туда же. Сначала он бывал редко, под конец же очень часто, но мы не как не принимали этого на свой счет, особенно я, *он как казалось совсем не обращал на меня внимания <...> и я с ним почти никогда не говорила*; нашему знакомству мы обязаны [шашечной]. Уехала я из Кагаринка очень грустная, не скрою вам, что *он мне очень нравился*, он мне ничего не [намекнул] на счет своего намерения. Через месяц только по нашему приезду домой нас удивило письмо от него с предложением...⁶⁸.

Но ещё более ощутимо её стиль «говорения» о чувствах к супругу меняется после свадьбы, то есть после «узаконения» их отношений, что вступает уже даже в некоторое противоречие с содержанием первого из приведённых писем:

22 октября я рассталась с домом, тяжело было оставить всех; я так рада, что Анет со мной приехала и что я рассталась не со всеми вдруг <...> *Я вполне счастлива, Владимир так добр, я его так много люблю и любима взаимно*⁶⁹.

Очевидно, что наличие многочисленных примеров демонстрирует некую норму, вменявшую дворянке в обязанность «любить избранника»⁷⁰, при том, что в большинстве случаев она даже не имела реальной возможности его выбирать. А ведь брак, будучи центральной категорией в системе жизненных устремлений дворянской девушки, являлся той сферой, в которой она — за неимением альтернативы —

67 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 об.-4.

68 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 5 об.-6 об.

69 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 7-7 об.

70 Пушкирева. 2012: 54.

должна была себя реализовывать, и важность данного события для неё трудно переоценить.

Следовательно, представления о любви к мужу как о прямой обязанности и даже как о чувстве, которое можно и нужно сознательно и искусственно конструировать, внедрялись в сознание дворянки целенаправленно и должны были являться важной частью её мировоззрения, ведь такая позиция женщины сглаживала возможные конфликты между мало знакомыми, в сущности, супругами и вносила комфорт и стабильность в семейную жизнь:

несмотря на то, что её выдали замуж против воли, любит она своего мужа более, нежели другие, вышедшие замуж по склонности⁷¹.

В полной мере плоды такой воспитательной стратегии продемонстрировали женщины-дворянки 1820-х гг. — жёны декабристов, каждая из которых была «предана душой и сердцем своему... мужу»⁷². Показательно, что подобная позиция женщины по отношению к сфере чувств вызывает некое недоумение со стороны более «прогрессивных» в вопросах «чувствований» мужчин, что находит своё отражение уже в конце XVIII в. в «сентиментальных» автодокументальных текстах, а позднее — и в литературе⁷³.

---

71 Вульф. 2016: 79.

72 Волконская. 2006: 18.

73 «...Не промысл вас берег и прочил друг для друга, // Но света произвол вам наложил союз. // Я знаю, ты не лицемеришь; // Как свежая роса, душа твоя светла; // Но, суеверная, рассудку слепо веришь // И сердце на его поруку отдала. // Ты веришь, что, как честь, насильственным обетом // И сердце вольное нетрудно обложить, // И что ему под добровольным гнетом // Долг может счастье заменить!..» (Вяземский). Ср.: «Но я другому отдана — именно отдана, а не отдалась! Вечная верность — кому и в чём? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувств и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны...» (Письмо В. Белинского к В. Боткину от 4 апреля 1842 г. Цит. по: Огнёв. 2000: 11).

Такое восприятие, в определённой степени лишившее сферу любовных чувств индивидуальности, заметно сближает её с представлениями о «супружеской любви», характерными для христианства⁷⁴. Разумеется, это не означает, что дворянские девушки, даже очень религиозные, мыслили и чувствовали именно таким образом, но большинство женских текстов демонстрирует достаточно схожую систему представлений, что позволяет нам говорить о некоей норме, по меньшей мере, дискурсивной, имевшей место в рамках российской дворянской культуры.

Безусловно, во все времена чувства людей индивидуальны и неповторимы, равно как и в разные эпохи — вплоть до современности — предпринимаются попытки подвергнуть их упорядочению. В противовес вышеприведённому «легитимному» письму, до нас дошли и яркие примеры «прорыва» некоего «ненормативного» женского дискурса, значительно более эмоционального, экспрессивного и чувственного, нежели того требовал канон. В первую очередь, это широко известные эпистолярные дневники Анны Керн:

я либо холодна, либо горяча, а равнодушной быть не умею; я люблю его так, что и выразить нельзя, люблю в нём решительно всё; чем больше я думаю, тем яснее вижу, что это — настоящая любовь; ...я буду обожать Шиповника до последнего своего вздоха, разумеется, однако, если он останется мне верен...⁷⁵ и т. д.

Можно предположить, что подобные живость и эмоциональность изложения обусловлены жанром источника: это дневник⁷⁶, следовательно, в нём отражены сиюминутные чувства и порывы, а также, вероятно, в отличие от традици-

---

74 Пушкарева. 2008: 4–5.

75 Керн. 1929: 104–105; 113

76 Данный источник личного происхождения представляет эпистолярный дневник, то есть письма, выполненные в форме дневника.

онного, привычного дворянке письма, он не требовал столь строгой формализации чувств посредством устоявшихся стилистических приёмов, предусмотренных правилами эпистолярного стиля. Нельзя также сбрасывать со счетов и неординарность автора, отмечаемую даже ею самой («я ведь не похожа на других!»⁷⁷) и снискавшую ей, в частности, как дружбу и уважение, так и весьма полярные характеристики А.С. Пушкина, о которых шла речь выше. А на основании дневника А.Н. Вульфа можно говорить и о её сексуальной раскрепощённости⁷⁸, выходящей, по-видимому, за рамки общепринятых норм и известной сегодня, по большей части, благодаря двусмысленным упоминаниям А.С. Пушкина, А.Н. Вульфа и других, и значительно более сдержанно выраженной в её собственных текстах.

Подобные же тенденции можно проследить и в эпистолярных текстах других дворянок, в частности, и женщин «пушкинского круга». Пожалуй, особенно неординарными следует признать эпистолярные тексты Анны Вульф (сестры Алексея Вульфа), адресованные поэту:

...весьма возможно, что вы уже не помните последних дней, которые мы провели вместе. Я жалею, что не написала вам в первые дни моего приезда: мое письмо было бы прелестным, но теперь... я могу быть только нежной и думаю, что в конце концов порву это письмо. Знаете ли вы, что я пишу вам письмо и плачу? Меня это компрометирует, я чувствую, но это сильнее меня; я не могу себя преодолеть;⁷⁹ не думайте, однако же... что тут никого у меня нет... я нашла здесь очень милого кузена, который меня страстно лю-

77 Керн. 1929: 94.

78 «Рассудив, что, по дружбе её с Анной Петровной... она (Софья Дельви́г — О. Л.) не должна быть весьма строгих правил... решился я её предпослать» (Вульф. 2016: 50); «Анна Петровна сказала мне, что вчера поутру у ней было сильное беспокойство: ей казалось чувствовать последствия нашей дружбы...» (Вульф. 2016: 37).

79 Вульф. 2013: 41–42.

бит... Это не улан, как вы может быть готовы предположить, но гвардейский офицер, очаровательный молодой человек, который мне ни с кем не изменяет; слышите? <...> Но увя! Я ничего не чувствую при его приближении: присутствие его не вызывает во мне никакого волнения⁸⁰; ах, Пушкин, не достойны вы любви, и я вижу, что была бы счастливее, если бы покинула Тригорское ранее и если бы последнее время, проведенное с вами, могло бы изгладиться из моей памяти⁸¹ и т. д.

Следует подчеркнуть, что данные строки написаны незамужней девушкой, за сексуальным поведением которой, судя по всему, осуществлялся наиболее строгий контроль. Как видим, он всё же не мешал развитию чувственности барышни и даже соответствующего дискурса — последний лишь был скрытым, тайным, ввиду чего его сложно обнаружить в дошедших до нас текстах.

Подтверждением этому может служить тот факт, что такой прорыв чувственности в письме, становился возможен, в первую очередь, благодаря обходным технологиям отправки и получения писем, что практиковалось, как Анной Вульф («я не знаю, куда адресовать вам это письмо, я боюсь, как бы на Тригорское оно не попало в руки мамы»⁸², «тут знают вашу руку»⁸³; «я пишу вам через Вяземского; он не знает, от кого это письмо, он обещал его сжечь, если не сможет вам его передать»⁸⁴), так и Анной Керн (в отличие от незамужней А.Н. Вульф, ей, по-видимому, было несколько легче скрывать свою «тайную» корреспонденцию, однако, когда её дневники или какая-то их часть были обнаружены мужем, её ждал

---

80 Вульф. 2013: 42.

81 Вульф. 2013: 47.

82 Вульф. 2013: 45.

83 Вульф. 2013: 50.

84 Вульф. 2013: 54.

крупный семейный скандал, о чём она также впоследствии сообщила в данном тексте).

В целом же, однако, «мужские» источники любого вида, как правило, несравнимо более полно, чем «женские», демонстрируют сферу чувств, эротических переживаний и сексуального поведения автора, ведь женщинам для такого «письма» приходилось преодолевать значительно более строгие табу и запреты. Характерно, что «знаток» женской сексуальности Алексей Вульф не только об А.П. Керн отзывается, как о женщине не «весьма строгих правил» — схожи его суждения и о своей родной сестре:

чрезвычайно трудно согласить мнение брата и любовника о поведении девушки: первый желает, чтобы и подозрение одно не могло коснуться сестры, другой требует по крайней мере... предпочтения, которое он бы нашёл весьма неприличным, если его сестра оказывала бы другому; сестра не умеет себя вести и вряд ли когда-либо таким образом найдет порядочного мужа⁸⁵.

Судя по всему, такое сексуальное поведение, выходящее за строгие рамки приличий, не было доступно большинству их современниц, однако примеры А.П. Керн, А.Н. Вульф и других демонстрируют, что оно не только было возможным, но и практиковалось российскими дворянками — как замужними, так и барышнями.

Вспомним также, что А.П. Керн позволила себе нарушить социально поощряемую модель поведения, уйдя с детьми от нелюбимого мужа, чем, безусловно, скандализировала своё имя — «...по приговору света // На честь утратила права»⁸⁶, — вследствие чего была вынуждена в конце жизни бедствовать, будучи лишённой «генеральской пенсии», кроме того, что весьма характерно, её второй муж ока-

---

85 Вульф. 2016: 60.

86 Пушкин. 1959: 272.

зался фактически лишён возможности карьерного роста из-за скандальной репутации жены.

Следовательно, несмотря на имеющуюся тенденцию к индивидуализации и более свободному выражению эмоций и чувств, «отказ» дворянки любить того, кого предписано, прорыв некоего «нелегитимного» любовного чувства в данный период рассматривался обществом как угроза существующему матримониальному порядку и неизбежно влёл за собой жёсткие социальные санкции, а описания любовного чувства, которое носило бы индивидуальный характер, если и встречались в женской автодокументальной традиции, то представляли собой скорее исключение, нежели правило. Ввиду этого можно заключить, что не просто женский дискурс о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства, но и последний подвергается строгой нормализации и унификации.

Однако, обходя многочисленные табу, женщины-дворянки оказываются склонны осмыслять и описывать сексуальность через жизненные опыты «Другого»⁸⁷ (даже при наличии собственных аналогичных практик), что особенно ярко нашло своё отражение в «Мемуарах» В.Н. Головиной, но имеет место и в других разнородных источниках, становясь важным механизмом для понимания дворянками собственной сексуальности и приобретения нового, пусть и исключительно дискурсивного, опыта.

Если же вести речь о письмах, как наиболее массовых источниках личного происхождения, можно сказать, что, в целом, не только «сексуальный», но и «любовный» дискурс в них практически отсутствует. Описание даже вполне «нор-

---

87 Белова. 2010: 276.

мативного» любовного чувства, имеющего место в контексте брака или сватовства, не противоречившего «официальным» морально-нравственным установкам, каким оно представлено в письмах Е.В. Быковой⁸⁸ — скорее, редкость. Очевидно, потребность в своеобразной легитимизации своей любовной привязанности женщина-дворянка испытывала в большей степени при написании мемуаров, воспоминаний, с их глобальным осмыслением собственной жизни; письма же, как правило, служили передаче более локальной и конкретной информации.

Но, несмотря на практически полное отсутствие информации на сексуальные темы, как в жизни, так и в переписке российских знатных женщин, даже подобные, формализованные тексты демонстрируют, что межполовые отношения волнуют дворянок различного возраста и социального статуса. Рассказать новые подробности о «счастливых» новоспечённых женихе и невесте своей подруге-фрейлине спешит Елена Строганова⁸⁹, три поколения дворянок интересуются появлением «никому не знакомого молодого человека», который впоследствии оказывается «новым учителем русского языка» у соседских детей⁹⁰, новости о родах в семье общих знакомых⁹¹ становятся для дворянки не менее, а может, и более важны, чем те или иные события государственного масштаба⁹².

Как видим, в женской эпистолярной традиции отсутствует сколько-нибудь сформировавшаяся система «говoreния» о сексуальности, ведь над нею, помимо общей системы

---

88 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 1-42.

89 ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1258.

90 ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 141. Л. 1 об.-2.

91 ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 990.

92 ОХД до 1917 г. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 16.

табу на соответствующий дискурс, как правило, довлеет ещё и строгий этикет дворянского письма, при работе с такими «сдержанными» текстами время от времени необходимо исходить не из того, что содержится в источнике, а из того, чего в нём нет, пытаясь определить причину тех или иных умолчаний.

Итак, в рассматриваемый период система речевых практик о сексе в рамках дворянского сословия развивается в двух различных направлениях. Одно из них, будучи сугубо «мужским», являет собой пример экспрессивного, в большей или меньшей степени непосредственного и откровенного речевого процесса, обладающего соответствующей лексикой (которая зачастую могла быть обценной), толерантным отношением к проявлениям своей и чужой (но, как правило, всё же, только мужской) чувственности; второе же, открытое женщине, но зачастую лишь как объекту мужских эротических переживаний, оказывалось более «легитимным», всеобщим, но сильно формализованным и эвфемистическим. Очевидно, что женщины не только не принимали участия в первом из них, но были из него сознательно исключены и поставлены в жесткие моральные рамки соответствующей их полу модели сексуального поведения — в том числе и речевого. В наиболее невыгодном положении оказываются девушки-дворянки: им позволено читать только то, что заведомо исключает сколько-нибудь значимую информацию о сексуальности, и это блокирует для них фактически единственный возможный способ сексуального просвещения.

В связи с этим трудно отыскать ярко выраженную проблематику сексуальности в женских текстах, в которых она явственно проступит не раньше рубежа XIX — XX вв. Однако это не значит, что следует положиться исключительно на мужское видение женской сексуальности, ведь от мужского

взгляда может ускользнуть не только своеобразие женских чувств и переживаний, но и причины того или иного сексуального поведения дворянки. Напротив, выявленные существенные различия в дискурсивных практиках женщины и мужчины свидетельствуют о необходимости изучения, альтернативного, скрытого, собственно женского взгляда на свою и чужую сексуальность.

В женских эгодокументальных текстах, отличающихся значительной сдержанностью по сравнению с мужскими, «говорение» на сексуальные темы замещено речевыми практиками о любви, причём последняя понимается ими как сознательно и искусственно конструируемая категория, «помогающая» российской дворянке любить того, кого необходимо, то есть будущего мужа, в выборе которого она, как правило, никак не участвует.

Судя по всему, несмотря на имеющуюся тенденцию к индивидуализации и более свободному выражению эмоций и чувств, «отказ» дворянки любить того, кого предписано, прорыв некоего «нелегитимного» любовного чувства в данный период рассматривается обществом крайне негативно, а описания любовного чувства, которое носило бы индивидуальный характер, если и встречаются в женской автодокументальной традиции, то представляют собой скорее исключение, нежели правило. Ввиду этого можно заключить, что не просто женский дискурс о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства, но и последний подвергается строгой нормализации и унификации.

В условиях фактической исключённости российской дворянки из числа «говорящих субъектов», участвующих в воспроизводстве дискурса сексуальности, комплекс женских

речевых практик о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства. Будучи при этом в большинстве случаев формализованным и отражающим, скорее, не живые индивидуальные чувства и переживания, а некие установки, любовное чувство представляется ей своеобразной сознательно и искусственно конструируемой категорией и, как правило, увязывается исключительно с личностью «законного» объекта чувств — жениха, мужа. Несогласие же следовать подобной нормативности и любить того, кого «предписано», рассматривалось обществом как угроза существующему матримониальному порядку и могло повлечь за собой жёсткие социальные санкции, поэтому описания любовного чувства, которые носили бы индивидуальный характер, если и встречаются в женской автодокументальной традиции, то представляют собой скорее исключение, нежели правило.

Список источников и литературы

Источники

Болотов. 1986 — Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Сост., вступ. Ст. и примеч. А.В. Гулыги. М., 1986.

Волконская. 2006 — Волконская М.Н. Записки. Мюнхен, 2006.

Водовозова. 1911 — Водовозова Е.Н. На заре жизни. Воспоминания Е.Н. Водовозовой. СПб, 1911.

Вульф. 2016 — Вульф А.Н. Дневник 1827–1842 годов. Любовные похождения и военные походы / А. Н. Вульф. М., 2016. С. 34.

Вульф. 2013 — Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от начала марта 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 41–42; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от начала марта 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 41–42. С. 42; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 20 апреля 1826. Малинники // / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 41–42. С. 47; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от начала марта 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 45; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 20 апреля 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 50; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 11 сентября 1826. Петербург // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 54.

Вяземский — Вяземский П.А. К мнимой счастливце: <http://ruspoeti.ru/aut/vyazemskij/4401/> (11.02.2019).

Грациан-и-Моралес. 1742 — Грациан-и-Моралес Б. Грациан придворный человек. СПб., 1742.

Державин. 2000 — Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. М., 2000.

Добрыя мысли. 1789 — Добрыя мысли, или Последняя наставления отца к сыну, исполненные различными разсуждениями, М., 1789.

Долгорукая. 1913 — Долгорукая Н.Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. СПб, 1913.

Загряжский. 1993 — Загряжский М.П. Записки (1770–1811) // Лица. Биографический альманах. Т. 2 / Ред. Сост. А.А. Ильин-Томич; коммент. В.М. Боковой. М.; СПб., 1993. С. 29–162.

Керн. 1929 — Керн А.П. Воспоминания // Воспоминания А.П. Керн. Л. 1929.

Ковалевская. 1974 — Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., 1974.

Лабзина. 1903 — Лабзина А.Е. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб., 1903.

Лермонтов. 1970 — Лермонтов М.Ю. Сашка // Сочинения в двух томах. М., 1970. Т. 1. С. 600.

Монкриф. 1788 — Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М., 1788.

Нобль. 1761 — Ле Нобль Э. Светская школа, или Отечественое наставление сыну об обхождении в свете. В 2 т. СПб., 1761.

ОХД до 1917 г. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 16. — Письмо Шалкиной (N. Chalkin) к Глушковой С.П. от 19 сентября 1868. на франц. яз.

ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 141. — Письма Львовой А.А. к матери от 1843. на франц. яз.

ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 990. — Письма Столыпшиной М. к Львовой А.А. от 1850–1893. на франц. яз.

ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1258. — Письма Строгановой Е. к Самойловой С.А. от 1820. на франц. яз.

Пушкин. 2017 — Пушкин А.С. «Орлов с Истоминой в постеле...» // Брак холостит душу / Александр Пушкин. М., 2017. (Тайная тетрадь). С. 33.

Пушкин. 1962 — Пушкин А.С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 6. С. 342.

Пушкин. 1960 — Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1960. Т. 4. С. 84.

Пушкин. 1959 — Пушкин А.С. К*** // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1959. Т. 2. С. 89; Пушкин А.С. «Когда твои молодые лета...» // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ.

Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1959. Т. 2. С. 272.

Пушкин. 1962 — Пушкин А.С. Письмо А.С. Пушкина к С.А. Соболевскому. Вторая половина февраля 1828 г. из Петербурга в Москву // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 9. С. 273; Пушкин А.С. Письмо А.С. Пушкина к А.Н. Вульфу от 7 мая 1826 г. из Пскова или Острова в Дерпт // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 9. С. 232.

РГАЛИ. Ф. 1. Д. 44 — Письмо Л.Н. Котляревской к Е.Е. Чернышевской от 26 июня 1846.

РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 282 — Письмо М.А. Анненковой к В.А. Анненкову от 22 мая 1808.

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 134 — Письмо О.С. Аксаковой к Н.Т. Карташевской от 27 апреля 1840.

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. — Письма Е.В. Быковой (урожд. Гоголь-Яновской) к В.С. Аксаковой. Л. 1–42.

Ржевская. 2008 — Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4-е. М., 2008. С. 33–66.

Руссо — Руссо Ж.-Ж. Софи, или Женщина // Эмиль, или о воспитании // Руссо Ж.-Ж.: <http://www.marsexx.ru/tolstoy/russo-emil5.html#099> (19.02.2019).

Толстая. 1998 — Толстая С.А. Моя жизнь // Октябрь. 1998. № 9. С. 67.

ЛИТЕРАТУРА

Белова. 2013 — Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII — первой половины XIX вв. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII — XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремеенко. СПб., 2013. С. 68–75.

Белова. 2010 — Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетей, 2010.

Бовуар. 1997 — Бовуар С. Второй пол. Т. I, II. М.; СПб., 1997;

Бодрийяр. 2000 — Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. М., 2000.

Гидденс. 2004 — Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.

Иригарэ. 2001. — Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб., 2001. С. 124–132.

Кон. 1995 — Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1995.

Коллман. 1999 — Коллман Н.Ш. Проблема женской чести в Московской Руси XVI–XVII вв. // Социальная история. 1998/1999. М., 1999. С. 205–216.

Лотман. 2006 — Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство–СПб, 2006.

Модзалевский. 1999 — Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999.

Муравьева. 2002 — Муравьева М.Г. История сексуальности // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С.105–106.

Огнёв. 2000 — Огнёв А.В. Любовь, семья и судьба России. Тверь: Русская провинция. 2000.

Пушкарева. 2008 — Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 3–18.

Пушкарева. 1999 — Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических науках: рождение, методы, перспективы // Женщина. Гендер. Культура / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Е.И. Трофимова, З.А. Хоткина. М., 1999. С. 14–28.

Пушкарева. 2012 — Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012.

Репина. 1996 — Репина Л.П. Выделение частной сферы как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 20–32.

Рубин. 2000 — Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов.

Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб., 2000. С. 89–140.

Фуко. 1996 — Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. 1996

Фуко. 1998 — Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев: Дух и Литера, 1998.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОХД до 1917 г. — Отдел хранения документов до 1917 года ЦГА Москвы

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

ЦГА Москвы — Центральный государственный архив города Москвы.